
**УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

УДК 343

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В XXI ВЕКЕ**

© 2019 г. А. С. Александров*, И. А. Александрова*, С. В. Власова**

Нижегородская академия МВД России

*E-mail.ru: anrc@rambler.ru

**E-mail.ru: Vlasovasvetla@yandex.ru

Поступила в редакцию: 13.02.2019 г.

Аннотация. В условиях цифровой трансформации государства и общества требуется новая правовая организация противодействия преступности. В ее основе должно быть новое понимание права и его действия, а также отношений государства, населения, бизнеса. В статье предлагается авторская концепция правовой организации противодействия преступности в виде состязательного уголовного судопроизводства на цифровой платформе государства. Она включает в себя пересмотр общетеоретических и отраслевых представлений о средствах правового регулирования в сфере противодействия преступности и предложение судебного порядка обвинения и доказывания, доступ к которым в виде сервисов государства должен быть открыт для всех пользователей.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровая трансформация, правовое регулирование, преступность, обвинение, доказывание, цифровая платформа.

Цитирование: Александров А.С., Александрова И.А., Власова С.В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в XXI веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75–86.

DOI: 10.31857/S013207690006732-7

**THE THEORETICAL CONCEPT OF THE STATE-LEGAL ORGANIZATION
OF COUNTERACTION TO CRIME IN THE XXI CENTURY**

© 2019 А. С. Alexandrov*, И. А. Alexandrova*, С. В. Vlasova**

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia

*E-mail.ru: anrc@rambler.ru

**E-mail.ru: Vlasovasvetla@yandex.ru

Received: 13.02.2019

Abstract. In the context of digital transformation of the state and society requires a new legal organization of counteraction to crime. It should be based on a new understanding of the law and its actions, as well as relations between the state, the population and business. The article proposes the author's concept of the legal organization of counteraction to crime in the form of adversarial criminal proceedings on the digital platform of the state. It includes the revision of the General theoretical and sectoral ideas about the means of legal regulation in the field of counteraction to crime and the proposal of the judicial order of prosecution and evidence, access to which in the form of services of the state should be open to all users.

Key words: criminal proceedings, digital transformation, legal regulation, crime, prosecution, proof, digital platform.

For citation: Alexandrov, A.S., Alexandrova, I.A., Vlasova, S.V. (2019). The theoretical concept of the state-legal organization of counteraction to crime in the XXI century // Gosudarstvo i parvo=State and Law, No. 9, pp. 75–86.

*«В России за десять лет меняется всё,
а за двести лет ничего не меняется».*

Столыпин П.

*«В провинции любых времен
Есть свой уездный Сен-Симон».*

Самойлов Д. «Струфиан»

Многочисленные судебные реформы, проводившиеся за последние два столетия, не изменили следственного типа уголовно-процессуальной организации противодействия преступности в России. Впрочем, другого и не могло получиться, пока обвинение и доказывание¹ остаются во власти следственной. Отсюда «следственный изоморфизм»² и неразрывно связанный с ним «обвинительный уклон» уголовной юстиции, с некоторых пор ставший раздражителем не только для правозащитников, но для экономической элиты общества³, которая и пролоббировала создание особого «организационно-правового механизма»⁴ привлечения к уголовному преследованию субъектов

¹ Правовая организация уголовного процесса зависит от (а) обвинения и (б) доказывания (см.: Поланский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927. С. 54–58).

² «Институциональным изоморфизмом» (сходство в способах организации работы, оценках деятельности и т.д.) называют склонность бюрократических организаций перенимать модели поведения друг друга. В нашем процессе следственные стандарты (доказывания и процессуальных решений) приняты всеми его профессиональными участниками; благодаря эффекту «следственного изоморфизма» следователь превратил не только судью, но и оперуполномоченного в свое подобие (см.: Титаев К., Шклярук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016. С. 48, 64, 65; Мищенко Л.В., Телицын Н.А. К вопросу об оптимизации организации деятельности подразделений ЭБиПК по проверке заявлений (сообщений) о преступлениях экономической и коррупционной направленности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 218–224).

³ По мнению предпринимателей и их защитников, уголовно-процессуальная система в ее современном виде является одним из структурных ограничителей экономического роста (см. об этом, напр.: Реформа уголовного экономического законодательства. Февраль 2017 г. Приложение к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» (Программа разработана в рамках поручения Президента Российской Федерации от 14 июля 2016 г. № Пр-1347) / Приложение № 14. URL: <http://институтроста.рф/upload/iblock/a4d/14.-reforma-ugolovnogo-ekonomicheskogozakonodatelstva.pdf>; Хартия защиты бизнеса, составленная по итогам уголовного форума в г. Ростове-на-Дону 13 февраля 2017 г. URL: https://www.facebook.com/Хартия-Защиты-Бизнеса-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pnref=story).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Росс. газ. 2016. 24 нояб.

предпринимательских преступлений против собственности. Несмотря на его негативную оценку⁵, само появление в официальном юридическом дискурсе данного термина можно считать знаковым для нашей правовой культуры: он сигнализирует о не-пригодности «обычных» правовых средств противодействия преступности в сфере экономики и смешении в уголовной политике акцентов с «материально-правового» на «процессуальный».

Социально-экономический и, если угодно, прагматический⁶ факторы, становятся главным доводом в пользу завершения затянувшегося перехода от следственного к состязательному типу уголовного процесса, который должен определять правовую организацию противодействия преступности в XXI в. Мы имеем в виду четвертую промышленную революцию, которая кардинально меняет не только управленческие модели в бизнесе, но и государственное управление, психотип общества, самый способ существования человека в «цифровой экосистеме»⁷.

Существующая модель государственного управления испытывает системные проблемы в условиях цифровой трансформации⁸. В сфере противодействия преступности это ярко проявляется в феномене «примитивизации» предварительного расследования по уголовным делам, неспособности справиться с киберпреступностью.

Поэтому основной нашей целью является создание теоретической основы правового механизма противодействия преступности нового типа, способного ответить на вызовы преступности в цифровом обществе. Если коротко, то это *состязательная модель разрешения уголовно-правовых*

⁵ Это попытка решения проблемы негодными средствами: путем изъятия из общих правил создать льготный правовой режим для «избранных». Тем самым нарушается принцип равенства перед законом, судом – основа правового регулирования.

⁶ Мы специально подчеркиваем прагматический, функциональный аспект нашего проекта, основанного на постнеклассической философии права, предвидя упреки оппонентов (см.: Головко Л.В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. ст. М., 2016. С. 93–95, 102).

⁷ Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад / колл. авт.; под науч. рук. В.Н. Княгинина. М., 2017.

⁸ В системе государственной власти сохраняется архаичная документоцентрическая система управления, многозвенная вертикаль принятия решений в каждом из госорганов, отрыв системы показателей от реальности, трудности в получении достоверных данных с достаточной скоростью для принятия оперативных решений. На все это накладывается слабый общественный контроль за деятельностью чиновничего аппарата (см.: Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. М., 2018. С. 16, 17).

споров, где обвинение и доказывание доступны на цифровой платформе для представителей бизнеса и населения.

Имея перед собой указанную цель, мы решали следующие задачи. Во-первых, это *деконструкция* одного из центральных понятий «приказного правопонимания»⁹, а именно: «механизм правового регулирования». МПР обеспечивает воспроизведение догматического представления о *действии права* во всех отраслях юридического знания, на него опирается юридическая практика¹⁰. По причине того, что МПР представляет собой одно из концептуальных препятствий (разумеется, таковые есть не только в теории) для преобразования правового механизма противодействия преступности (прежде всего в сфере экономики), его деконструкция имеет методологическое значение.

Во-вторых, конструктивная задача состоит в определении того, как должен быть устроен организационно-правовой механизм противодействия преступности в цифровую эпоху. Для ее решения мы выводим четыре новых концепта: «экосистема», «государство-как-платформа», «право=текст», «процессуальный детерминизм». Они образуют базовый уровень понимания этого «механизма». На нем мы переосмыслим понятия: «уголовно-процессуальное», «уголовно-правовое отношение» и «уголовная ответственность». На третьем уровне мы пересмотрим с использованием понятия «уголовный иск» соотношение понятий «привлечение к уголовной ответственности» и «предъявление обвинения». И наконец, завершим наши построения созданием понятия «уголовно-процессуальный механизм действия уголовного закона», в котором будут структурированы институты (1) обвинения, (2) доказывания. Так мы собираемся выстроить систему междисциплинарных теоретических представлений об основных параметрах новой уголовно-процессуальной организации использования уголовного права для защиты интересов населения и бизнеса от преступлений.

Создатели концепта «механизм правового регулирования» определяли его как «совокупность правовых средств», которые «целенаправленно» используются государством для регулирования общественных отношений¹¹. В этом понятии заложены

⁹ Догматический тип правопонимания, сложившийся в советскую эпоху, остается научным мейнстримом (см.: История политических и правовых учений: учеб. для вузов. 2-е изд., стереотип. / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1998. С. 653).

¹⁰ См.: Павлов В.И. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие. Минск, 2017. С. 10, 11.

¹¹ См., напр.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 29 и след.; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004. С. 227, 228.

представления нормативизма и юрпозитивизма, во-первых, об онтологии права, во-вторых, о правогенезе, в-третьих, о действии права. Обозначим их как метафизический правовой нормативизм, этизм и материализм. Им мы противопоставим «субъективный (договорный) нормативизм», гуманизм (антропоцентризм), «процессуализм».

За более чем полувековую историю теоретики развивали и модернизировали этот концепт¹², не меняя его основы. Оно было и остается канонизированным знанием о действии права в отраслевых науках (включая специальности 12.00.08 и 12.00.09) как в советский период¹³, так и в постсоветский период¹⁴. Последние крупные разработки в теории уголовного процесса¹⁵ основаны на схеме «механизм уголовно-процессуального регулирования». Значит, понятие МПР успешно справляется со своей *методологической функцией*: поддерживать догматический (нормативистский) тип правопонимания и консервировать следственный уголовно-процессуальный строй.

Начнем с оппозиции «метафизический правовой нормативизм» – «субъектно-договорный правовой нормативизм». В МПР заложено метафизическное представление об «объективном праве», которое вне положено субъекту. Субъект, будучи участником реализации права, правоотношений и даже «правоприменителем», уполномочен только толковать смысл, вложенный законодателем в правовую норму (нормативно-правовой акт), – узнавать волю правотворца; применять ее, но не создавать. Нормативная система существует как реальность. Во всех проявлениях своего действия право существует объективно, автономно от воли «участника»: правоотношении, правоприменении,

¹² См., напр.: Храпанюк В.Н. Теория государства и права. М., 2010. С. 341.

¹³ См., напр.: Зуев Л.Б. Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства. Владивосток, 1984. С. 35–38, 68–70, 103, 104.

¹⁴ В этом убеждают даваемые ему определения (см., напр.: Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 18, 19; Францифоров Ю.В. Действие механизма уголовно-процессуального регулирования при разрешении отраслевых противоречий уголовного судопроизводства // Право и безопасность. 2007. № 3–4. С. 24, 25; Кутюхин И.В. Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования: монография. Владивосток, 2010. С. 7 и след.).

¹⁵ Мы имеем в виду диссертации по специальности 12.00.09. на соискание ученой степени д-ра юрид. наук, защищенные в 2018 г.: Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017; Козубенко Ю.В. Уголовно-процессуальные аспекты механизма механизма уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018; Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2018.

привлечении к уголовной ответственности и проч. В МПР происходит извлечение «воли законодателя» средствами юридической техники и превращение ее в правовую реальность. Такое правопонимание предельно минимизирует значение воли субъектов самостоятельно творить правовой смысл; вызывает представление о централизованности процесса правового регулирования¹⁶. Поэтому возникает иллюзия, что в каждой отрасли права существует свой МПР. Так, в представлении некоторых ученых механизм уголовно-правового регулирования состоит из предмета правового регулирования; юридической нормы; юридических фактов; охранительного уголовно-правового отношения; уголовной ответственности¹⁷. Получается, реализация уголовной ответственности (уголовного права) происходит без уголовного процесса¹⁸. Доведен до крайности такой подход в некоторых определениях *беспроцессуального* «применения уголовно-правовых норм»¹⁹, что в свою очередь взаимосвязано со спекулятивным представлением о порождении преступлением уголовно-правового отношения.

Метафизической трактовке наличности у закона свойства регулятивности мы противопоставляем тезис о процессуальном правогенезе и нормативности как приобретаемом качестве. Мы исходим из постулата постклассической философии права о знаковой (текстовой) и интерпретационно-смысловой (психической) сторонах бытия права: «проектный» смысл, заложенный законодателем и представленный в знаковой форме (тексте), получает свой актуальный смысл и вместе с тем нормативность (способность к урегулированию спора) в самом процессе (реализации-применении), выражаясь в конкретных действиях субъектов процесса по интерпретации смысла правовых текстов, аргументации, доказыванию. Этот постулат мы воплотили в понятии «Право=Текст». Развивая сходный подход, В.И. Павлов пишет, что правовой смысл нормы права как юридического знака всегда требует от участника процесса интерпретационной работы²⁰. Согласно теории права как коммуникации механизм правового регулирования включает два блока: (1) информационно-ценностного

¹⁶ См.: Павлов В.И. Указ. соч. С. 164, 170.

¹⁷ См., напр.: Кропачев Н.М. Механизм уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. СПб., 2000. С. 6, 7.

¹⁸ См., напр.: Благов Е.В. Теория применения уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 6.

¹⁹ Уголовное право Российской Федерации: в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2002. С. 317; Благов Е.В. Учение о применении уголовного права. Ярославль, 1993. С. 14.

²⁰ См.: Павлов В.И. Указ. соч. С. 160.

восприятия, интерпретации правовых текстов, придания им значения и (2) нормативно-поведенческого правового механизма²¹.

Значит, бытие права заключается в его правовом существовании²², т.е. в процессе. Итак, мы можем перейти к пониманию МПР как взаимодействия всех участников уголовно-правового спора, заинтересованных в его урегулировании, в выработке нормативно-правовой основы его решения.

Этатизмом традиционно проникнуты определения МПР: посредством юридических средств государство осуществляет *правовое регулирующее воздействие* на общественные отношения. Им проникнуты трактовки механизма уголовно-процессуального регулирования²³ как процесса реализации государственной воли²⁴. Этатизм состоит в абсолютизации значения государства во всех «правовых средствах», входящих в структуру понятия МПР, общетеоретического и отраслевого: во-первых, государство презумируется как единое, неделимое целое. Все чиновники государственного аппарата, включая судей, обязаны выполнять общую правоохранительную функцию. Во-вторых, компетентные государственные органы (суды, органы предварительного следствия и пр.) полномочны устанавливать «факты» («основания для правоотношений, решений, правоприменения»). В-третьих, только они обладают исключительной компетенцией на знание *правильного смысла закона*, подлежащего применению в этом деле.

В противовес этатизму мы используем понятия «государство—как—платформа» и «экосистема». Прежде всего надо сказать об «экосистеме». Зародившись в биологии²⁵, понятие «экосистема» стало одним из фундаментальных в различных отраслях знания: экологии²⁶, экономике²⁷, социоло-

²¹ См.: Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учеб. СПб., 2005. С. 107, 108.

²² См.: Павлов В.И. Указ. соч. С. 78.

²³ См., напр.: Вершинина С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. М., 2017. С. 31–42, 63.

²⁴ См.: Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. С. 14.

²⁵ Биологами экосистема определяется в виде функционального единства живых организмов и их среды обитания (см.: Остроумов С.А. Новые варианты определений понятий и терминов «экосистема» и «биогеоценоз» // Доклады Академии наук. Т. 383. 2002. № 4. С. 571–574).

²⁶ См.: Соловьев В.А. Экология и охрана природы. Экосистема: учеб. пособие. Л., 1987. С. 3.

²⁷ См., напр.: Maxwell I. Managing Sustainable Innovation: The Driver for Global Growth. New York, 2009; Фоломьев А.Н. Инновационный тип развития экономики. М., 2008.

гии²⁸ и других науках²⁹. В основе его лежит представление о том, что существование и развитие различного рода систем (природных, экономических, социальных) осуществляются за счет взаимодействия между ее частями, за счет изменчивости и адаптации друг к другу, а также к процессам, схожим с естественным отбором в природе. Так, в рамках социальной экосистемы происходит взаимное влияние населения, бизнеса, государства, юридических и социальных институтов, их взаимодействие³⁰. Судя по нормативно-программным документам, национальный интерес заключается в развитии экосистемы цифровой экономики Российской Федерации как партнерства организаций, которое обеспечивает постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан.

Полагаем, категория «экосистема» может быть использована для определения *уголовно-процессуальной системы как экосистемы*, в которой взаимодействуют государственные служащие, представители бизнеса и населения. Организация этого взаимодействия строится на «государстве-как-платформе». Создатели концепта «Государство-как-Платформа» (ГкП) определяют его как качественно новую систему организации и исполнения функций органов государственной власти Российской Федерации, построенную на базе интегрированных и цифровизированных процессов и перспективных технологий (единой системы сбора и хранения данных, цифровой инфраструктуры, автоматизированного принятия решений)³¹.

В трактовке экспертов ЦСР цифровой экосистемой является само ГкП. Ключевые характеристики ГкП: во-первых, в фокусе платформы находится человек – пользователь государственной услуги³². Отсюда ее антропоментричность, а именно: обеспечение максимальной «человекоориентированности» оказания госуслуг: «клиент определяет

²⁸ См., напр.: Даймонд Д.М. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М., 2008.

²⁹ См.: Moore J.F. The death of competition: leadership and strategy in the age of business ecosystems. New York, 1997.

³⁰ См.: Peltoniemi M., Vuori E. Business ecosystem as the new approach to complex adaptive business environments. URL: <http://www.iwoce.org/definitionsof-ecosystems.pdf>

³¹ См.: Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Указ. соч. С. 10.

³² См.: Шклярук М. Государство как платформа. 2017–2035. Установка на форсайт-сессию. URL: <https://docplayer.ru/45759263-Gosudarstvo-kak-platorma.html>

процесс»³³. Во-вторых, ГкП сводит к минимуму человеческий, а значит бюрократически-коррупционный фактор в государственном управлении. ГкП поможет исполнять большинство функций государства на основе платформенных решений³⁴, включая функции обвинения, правосудия.

В целом разделяя идею ГкП, сделаем несколько замечаний к ней. Во-первых, мы не склонны отождествлять экосистему с самим государством, поскольку общество≠государство. Тем более неверно отождествлять только систему государственного управления с экосистемой. Очевидно, что не только органы исполнительной власти, но и органы судебной и законодательной власти должны быть агрегированы на данной платформе (в перспективе). Без этого не будет полной ни экосистемы, ни системы *правового государства*. Далее, по нашему мнению, государственные службы сами должны рассматриваться как пользователи информационной платформы (наряду с физическими и юридическими лицами).

На основе изложенного мы констатируем, что роль государства в правовом регулировании состоит в написании текста закона, создании и поддержании информационной платформы, т.е. формировании экосистемы и такой системы правового регулирования (*wiki-право*), когда участники процессов в онлайне генерируют правовые нормы на базе открытой платформы и акцептуют их для разрешения уголовного дела. «Государство» выступает, во-первых, создателем платформы, во-вторых, системным администратором, организатором экосреды взаимодействия, а государственные службы выступают *пользователями системы – правоприменителями и сотворцами правил вместе с другими участниками процесса разрешения уголовно-правового спора*.

Дальнейшее развитие прагматической, утилитарной установки на право (закон имеет только тот смысл, который мы понимаем) состоит в обосновании антиматериализма, т.е. приоритета процессуальности: «уголовное право в работе»= процесс.

Для МПР характерен особо ярко выраженный «материальный детерминизм». В материализме как проявлении догматики можно выделить следующие «составляющие»: 1. О первичности уголовно-правового отношения по отношению к уголовно-процессуальному: «охранительное», «центральное» уголовно-правовое отношение возникает

³³ В этом состоит модель «сервисного государства» («государство для меня»), в котором через развитие проактивного предложения государством онлайн-сервисов будут удовлетворяться потребности граждан и бизнеса (см.: Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Указ. соч. С. 9).

³⁴ См.: там же. С. 8.

между государством и преступником в результате совершения преступления. 2. Уголовный процесс, уголовно-процессуальные отношения развиваются на базе уголовно-правового отношения. 3. Уголовно-процессуальная деятельность обслуживает реализацию уголовно-правового отношения. 4. Право на наказание (привлечение к уголовной ответственности) возникает у государства с момента совершения преступления; цель уголовного процесса в том, чтобы реализовать это право. 5. Основание уголовно-правового отношения (уголовной ответственности, наказания) существует объективно и неизменно. Поэтому правоприменительный процесс включает в себя его доказывание (установления), но не конструирование. Отсюда выводится (а) неотвратимость уголовной ответственности, (б) неизменность уголовно-правового основания, (в) раскрываемость (потенциальная) каждого преступления. 6. Концепция материальной «объективной истины», чье установление относится к компетенции и обязанности следователя, судьи, прокурора – правоприменителя, осуществляющего реализацию уголовно-правовых норм. Эти постулаты воплотились в следственной доктрине о реализации уголовной ответственности.

Приведем аргументы против уголовно-правового материализма.

1. Он не вписывается в концепцию правового государства и противоречит презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ). Это – главный аргумент против материального детерминизма и одновременно – в пользу процессуального детерминизма. С ним связана либеральная, альтернативная линия в нашем правоведении по объяснению соотношения уголовно-правового и уголовно-процессуального элементов.

2. Второй аргумент основан на тезисе о процессуальной нормативности: право как средство регулирования спора, включая такие «правовые средства», как уголовно-правовое отношение, его основание и проч., создается в процессе.

3. Основание третьего довода против уголовно-правового материального детерминизма дал Пленум Верховного Суда РФ, который в своем постановлении от 15 ноября 2016 г. № 48 использовал термин «организационно-правовой механизм» в смысле *совокупности уголовно-процессуальных производств*, обеспечивающих действие норм уголовного права.

Материальному детерминизму мы противопоставляем детерминизм процессуальный, который мы выводим из процедурности бытия права. Изложим «начала» процессуального детерминизма: (1) механизм действия уголовного права процессуален; (2) процесс есть способ существования реального уголовного права как средства уголовно-правового

регулирования – разрешения уголовного дела; (3) все «детали» уголовно-правового механизма (кроме самого УК РФ) процессуальны; (4) основание уголовно-правового отношения *формируется в уголовном процессе*; (5) уголовно-правовое отношение возникает после вступления обвинительного приговора суда в силу; (6) фиксация субъективных содержаний в уголовном праве должна осуществляться на процессуальной основе; (7) уголовно-процессуальные отношения участников складываются только с участием суда и только на доказательственных фактах, им исследованных.

Приложим эти положения к учению об «уголовной ответственности» в его ключевых моментах: (а) основание, (б) механизм реализации (привлечения) уголовной ответственности.

Большинство специалистов придерживаются «материалистической версии» при объяснении основания уголовной ответственности, а именно: **фактическое** основание уголовной ответственности (уголовно-правового отношения) создает преступление³⁵, т.е. деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренные ст. 8 УК РФ.

С советских времен утвердилось мнение о том, что *реализация уголовной ответственности происходит в ходе предварительного расследования*: совершение преступления запускает «механизм реализации уголовной ответственности»³⁶. Теоретики, представители науки уголовного права (Я.М. Брайнин), процессуалисты³⁷ считали, что, вынося постановление о привлечении в качестве обвиняемого, следователь привлекает к уголовной ответственности обвиняемого. Эта позиция основывалась на законе: ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 256 УПК РСФСР 1960 г.

Впрочем, действующее законодательство также дает для этого основания: Уголовный кодекс РФ как более близкий по времени создания к советской модели МПР – в большей степени, УПК РФ

³⁵ См., напр.: Стrogович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. М., 1968. С. 91, 92; Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона. С. 112 и след.

³⁶ Реализация уголовной ответственности происходит в ходе процесса при получении оснований виновности лица в совершении конкретного преступления (см.: Стrogович М.С. Указ. соч. С. 91, 92). А.С. Бахта указывает, что в числе субъектов, которые принимают участие в процессе реализации уголовной ответственности, выступают сначала органы предварительного расследования, а потом суд (см.: Бахта А.С. Указ. соч. С. 91). К.М. Муравьев и вовсе считает меры пресечения «особыми средствами уголовно-правового воздействия» (см.: Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. С. 62–66, 224).

³⁷ См., напр.: Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970. С. 67; Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971. С. 16.

(2000 г.) – в меньшей. Так, из содержания ст. 299, 300 УК РФ следует, что субъектом преступлений, связанных с принятием неправомерных процессуальных решений о привлечении к уголовной ответственности является должностное лицо органа предварительного расследования.

Из системного толкования статей, входящих в гл. 11 УК РФ и гл. 4 УПК РФ, можно сделать общий вывод о том, что следователь своими постановлениями уполномочен как к привлечению, так и к освобождению от уголовной ответственности. Но нельзя освободить *от уголовной ответственности*, не имея полномочия привлечь к ней. Значит, следователь уполномочен принимать процессуальные решения как о привлечении к уголовной ответственности, так и об освобождении от нее.

Термин «привлечение к уголовной ответственности» употребляется в следственном смысле (как процессуальное действие органа предварительного расследования) в п. 2 ч. 1 ст. 154, п. 3 ч. 1 ст. 225, п. 4 ч. 5 ст. 318, ч. 3 ст. 214, ч. 3 ст. 414 УПК РФ.

Значит, в позитивное право, несомненно, заложен следственный механизм привлечения к уголовной ответственности (и освобождения от нее). Конституционный Суд РФ признал конституционным это правовое положение, хотя и сопроводил свой вывод оговорками о том, что такие постановления органа предварительного расследования подлежат судебной проверке и не устанавливают виновности обвиняемого в совершении преступления (по смыслу ст. 49 Конституции РФ)³⁸. Этим определяется тип уголовно-процессуальной системы приведения в действие уголовного закона. В современной процессуалистике господствует мнение о том, что с момента привлечения в качестве обвиняемого лица считается привлеченным к уголовной ответственности³⁹.

Но мы согласны с тем, что нет никаких оснований для понимания под «привлечением к уголовной ответственности» «привлечение лица в качестве обвиняемого» постановлением следователя⁴⁰. Поня-

³⁸ См., напр.: постановления Конституционного Суда России: от 28 октября 1996 г. № 18-П; от 24 апреля 2003 г. № 7-П; от 2 марта 2017 г. № 4-П; а также определения Конституционного Суда России: от 2 ноября 2006 г. № 488-О от 25 января 2012 г. № 36-О-О; от 5 марта 2014 г. № 589-О, от 24 июня 2014 г. № 1458-О // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹ См., напр.: Уголовный процесс: учеб. для акад. бакалавриата / под ред. А. И. Баstryкина, А. А. Усачева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 252; Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 28; Колбеева М. Ю. Понятие и значение привлечения в качестве обвиняемого в структуре расследования преступлений // Росс. следователь. 2010. № 16. С. 19–21.

⁴⁰ См.: Лобанова Л., Завьялова П. Уголовно-правовые средства противодействия уголовному преследованию невиновных граждан нуждаются в совершенствовании // Власть. 2012. № 12. С. 151–155.

тие «привлечение к уголовной ответственности», на наш взгляд, надо понимать не через призму следственной власти, а выводить из презумпции невиновности и принципиального положения о том, что только судебный орган уполномочен применять уголовный закон и привлекать к уголовной ответственности. Следователь не вправе привлекать к уголовной ответственности. Не может быть процесса, поэтапной реализации уголовной ответственности по решениям органа предварительного расследования, вне судебной процедуры.

По нашему мнению, органы предварительного расследования, прокурор в ходе досудебного производства уполномочены привлекать к уголовному преследованию: выявлять, пресекать, расследовать «преступление», изобличать «преступника» – реализовывать функцию обвинения. Только в суде они уполномочены ставить вопрос о привлечении к уголовной ответственности – через уголовный иск и осуществлять судебное уголовное преследование, направленное на привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление. Привлечение к уголовной ответственности происходит в процессе: на процессуальном основании и в соответствии с процессуальным решением (обвинительным приговором, иным решением суда).

Главные нововведения в учение об уголовной ответственности таковы: (1) механизм реализации уголовной ответственности (привлечения к уголовной ответственности, освобождения от нее) должен быть судебным; (2) привлечение к уголовной ответственности происходит в результате вступления в законную силу обвинительного приговора суда или иного судебного решения (постановления, приказа), которым обвиняемый признается виновным в совершении преступления (уголовного проступка); (3) основание уголовной ответственности формируется в суде на доказательствах обвинения; они есть «доказываемые факты», установленные посредством «доказывающих фактов», т.е. нашедших подтверждение в суде обвинительных доказательств; (4) основания уголовной ответственности могут меняться (в сторону смягчения) в результате соглашения сторон; (5) прокурор имеет право принять решение о прекращении уголовного преследования полностью или частично, что, соответственно, делает невозможным привлечение к уголовной ответственности; (6) судебный орган уполномочен принять решение об освобождении от уголовной ответственности – по предложению обвинителя или своей инициативе.

Переходим к заключительной части наших рассуждений о том, какой должна быть процессуальная модель приведения в действие

уголовного права, а именно: к институтам обвинения и доказывания.

В современной уголовно-процессуальной литературе делаются предложения по реорганизации обвинения, в частности – отказаться от вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и перейти на процедуру привлечения в качестве обвиняемого, принятую в дознании⁴¹. При этом сама следственная форма обвинения, досудебного производства и процесса под сомнение не ставится⁴². А между тем следственный тип процесса основан на следственном обвинении. В нормальном- состязательном процессе порядок предъявления обвинения должен быть судебным. К этому выводу давно пришел выдающийся отечественный процессуалист Н.Н. Полянский⁴³. Мы согласны с ним. И потому предлагаем перейти на исковую модель обвинения и судебную процедуру предъявления обвинения⁴⁴. Это, в свою очередь, выводит «досудебное расследование» за рамки уголовного судопроизводства: все, что осуществляется сторонами до предъявления уголовного иска (обвинения), не является уголовным процессом.

Таким образом, мы переходим на состязательную модель приведения в действие уголовного права. Изложим основы правовой организации этой модели.

1. Обвинительная власть принадлежит прокуратуре. Прокурор является публичным субъектом на уголовное обвинение (публичным уголовным истцом).

2. Обвинительная власть прокурора является решающей, но не монопольной. От модели частно-публичного обвинения надо отказаться, а ввести субсидиарное обвинение. Субъектом субъективно-публичного права на уголовный иск могут быть или прокурор, или частный обвинитель (физическое лицо, организация, ассоциация лиц), или они вместе, солидарно: в виде основного и субсидиарного уголовных истцов. Уголовные истцы вправе объединиться для подачи коллективного уголовного иска – как суммы нескольких правопримитязаний к одному или нескольким обвиняемым. Частный обвинитель вправе передать, уступить свое право на уголовный иск иному обвинителю.

⁴¹ См., напр.: Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 9; Ефремова Н.П., Кальнинский В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: учеб.-практическое. Омск, 2007. С. 54.

⁴² См., напр.: Гаврилов Б.Я., Божьев В.П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74–81.

⁴³ См.: Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 120–123.

⁴⁴ См.: Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47.

3. Уголовный иск подается против обвиняемого (ответчику), которым может быть как физическое, так юридическое лицо.

4. Прокурор может распоряжаться в публичных интересах обвинительными правами: в том, что касается предмета, оснований обвинения, круга обвиняемых и пр. Соглашение с сообвинителями и представителями противной стороны по предмету иска и его основания, формы иска и других его элементов (в рамках медиативных, согласительных процедур) может определять тот или иной исход дела.

5. Государственные органы уголовного преследования выступают «процессуальными помощниками» прокурора в подготовке оснований (обвинения): через «раскрытие преступления».

6. Субъектом уголовно-процессуальных (исковых) отношений с судом по предмету публичного обвинения, а также иных мер уголовного преследования, сопряженных с правоограничениями лиц, может быть только прокурор.

7. На основе материалов, полученных органом уголовного расследования, прокурор формулирует и выдвигает государственное обвинение в судебном органе. Частный обвинитель формулирует и поддерживает обвинение на основании самостоятельно полученных материалов.

От исковой трактовки обвинения перейдем к институту доказывания. Состязательная доктрина доказательственного права (уголовно-судебных доказательств) была создана и изложена нами в «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации»⁴⁵. Поэтому ограничимся напоминанием ее главных положений: (а) уголовно-процессуальное доказывание имеет место только в суде, поэтому вне суда стороны не связаны формой и вправе получать информацию и о ее носителях любыми не запрещенными законом способами; (б) субъектом уголовно-судебного доказывания может выступать любой, кто утверждает в суде о наличии фактов в свою пользу; (в) права субъектов доказывания с обеих сторон равны; (г) личные доказательства формируются посредством судебных допросов, иные сведения должны быть представлены суду в таком виде и таким способом, которые дают доступную возможность их верификации и подтверждения аутентичности в ходе исследования и фактографирования; (д) реализация уголовного преследования проходит три стандарта доказанности: (1) обоснованность подозрения; (2) уголовного иска (обвинения); (3) обвинительного приговора.

⁴⁵ Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / колл. авт.; под ред. А.С. Александрова. М., 2015.

* * *

Итак, заключительные выводы. «Механизм уголовно-правового урегулирования» – это процесс (уголовный) превращения содержания статей Уголовного Кодекса в правовое средство разрешения конкретного уголовно-правового конфликта. Этот уголовно-процессуальный «механизм» в содержательном плане представляет собой деятельность судебного органа, представителей обеих сторон, других участников «дела» по (1) определению предмета уголовно-правового спора, (2) созданию правовых и фактических средств его разрешения, (3) вынесению судом приговора (принятию иного решения о применении уголовно-правовой нормы).

В основе запуска этого судебного (уголовно-процессуального) механизма уголовно-правового применения лежит принцип правовой самозащиты, т.е. свободы выбора лицом для защиты своего интереса: во-первых, (а) уголовного или (б) гражданского иска; во-вторых, способа подготовки иска: или (а) самостоятельно, или (б) через обращение к обвинительной власти, в-третьих, равного доступа к ним населения, бизнеса.

В «юридико-техническом» плане данный «механизм» состоит из отдельных процедур, в которых происходит: (1) вход в уголовно-процессуальную систему или (а) через обращение с заявлением в правоохранительные органы (поворот+основание=решение о начале уголовного расследования), или (б) обвинение (уголовный иск): частный, коллективный, субсидиарный; (2) получение доказательств с использованием цифровых технологий; (3) осуществление судебного контроля (депонирования доказательств, включая личные), правосудия.

Данные процедуры реализуются через систему сервисов (услуг) обвинительной и судебной властей, выведенных на информационную платформу государства и доступных для пользователей этой платформы: частных и официальных лиц. Оказание государственной услуги по применению уголовного закона к правонарушителю для защиты от него населения и бизнеса осуществляется на обратной связи между управляющей и управляемой подсистемами, основанной на технологии блокчейна (параллельных регистров). Это «уголовно-процессуальная экосистема», в которой взаимодействуют сотрудники органов «обвинительно-карательной» власти, лица и организации, заинтересованные в правовом урегулировании проблем, созданной преступлением.

При цифровой трансформации государственного управления происходит оптимизация процесса выработки и принятия решения по предъявлению обвинения и принятию процессуального решения по нему отпадают ненужные звенья: блок «следственной власти». Следственная инстанция как

место для принятия управленческих решений – решений о движении уголовного дела (возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения, обвинительное заключение) утрачивает смысл. Уголовная процессуальная система принятия решений, приводящих в действие уголовно-правовую норму, может включать в себя только три блока: регистрацию информации о преступлении, обвинение, исход дела.

Важным моментом, характеризующим работу анализируемого «правового механизма» на цифровой платформе, является максимальное привлечение искусственного интеллекта при задействовании каждого из сервисов для решения, скажем, таких задач, как (1) использование «больших данных», систем учетов; (2) осуществления машинного взаимодействия при установлении признаков состава преступления; (2) подготовка проектов обвинений, судебных решений; (3) исключение коррупционного фактора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А. С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47.
2. Алексеев Н. С., Лукашевич В. З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970. С. 67.
3. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 29 и след.
4. Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 18, 19, 91.
5. Благов Е. В. Теория применения уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 6.
6. Благов Е. В. Учение о применении уголовного права. Ярославль, 1993. С. 14.
7. Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017.
8. Вершинина С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. М., 2017. С. 31–42, 63.
9. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 9.
10. Гаврилов Б. Я., Божьев В. П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74–81.
11. Головко Л. В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской

- теории и философии права: сб. ст. М., 2016. С. 93–95, 102.
12. *Даймонд Д.М.* Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М., 2008.
 13. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / колл. авт.; под ред. А.С. Александрова. М., 2015.
 14. *Ефремова Н.П., Кальницкий В.В.* Привлечение в качестве обвиняемого: учеб.-практ. пособие. Омск, 2007. С. 54.
 15. *Зусь Л.Б.* Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства. Владивосток, 1984. С. 35–38, 68–70, 103, 104.
 16. История политических и правовых учений: учеб. для вузов. 2-е изд., стереотип. / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1998. С. 653.
 17. *Карнеева Л.М.* Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971. С. 16.
 18. *Козубенко Ю.В.* Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018.
 19. *Колбеева М.Ю.* Понятие и значение привлечения в качестве обвиняемого в структуре расследования преступлений // Росс. следователь. 2010. № 16. С. 19–21.
 20. *Кропачев Н.М.* Механизм уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. СПб., 2000. С. 6, 7.
 21. *Кутюхин И.В.* Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования: монография. Владивосток, 2010. С. 7 и след.
 22. *Лобанова Л., Завьялова П.* Уголовно-правовые средства противодействия уголовному преследованию невиновных граждан нуждаются в совершенствовании // Власть. 2012. № 12. С. 151–155.
 23. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. М., 2004. С. 227, 228.
 24. *Мищенко Л.В., Телицын Н.А.* К вопросу об оптимизации организации деятельности подразделений ЭБиПК по проверке заявлений (сообщений) о преступлениях экономической и коррупционной направленности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 218–224.
 25. *Муравьев К.В.* Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. С. 14, 62–66, 224.
 26. *Муравьев К.В.* Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2018. С. 112 и след.
 27. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад / колл. авт.; под науч. рук. В.Н. Княгинина. М., 2017.
 28. *Остроумов С.А.* Новые варианты определений понятий и терминов «экосистема» и «биогеоценоз» // Доклады Академии наук. Т. 383. 2002. № 4. С. 571–574.
 29. *Павлов В.И.* Проблемы теории государства и права: учеб. пособие. Минск, 2017. С. 10, 11, 78, 160, 164, 170.
 30. *Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А.* Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. М., 2018. С. 8–10, 16, 17.
 31. *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права: учеб. СПб., 2005. С. 107, 108.
 32. *Полянский Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927. С. 54–58, 120–123.
 33. Реформа уголовного экономического законодательства. Февраль 2017 г. Приложение к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» (Программа разработана в рамках поручения Президента Российской Федерации от 14 июля 2016 г. № Пр-1347) / Приложение № 14. URL: <http://институтроста.рф/upload/iblock/a4d/14.-reformata-ugolovnogo-ekonomicheskogo-zakonodatelstva.pdf>; Хартия защиты бизнеса, составленная по итогам уголовного форума в г. Ростове-на-Дону 13 февраля 2017 г. URL: https://www.facebook.com/Хартия-Защиты-Бизнеса-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pnref=story
 34. *Соловьев В.А.* Экология и охрана природы. Экосистема: учеб. пособие. Л., 1987. С. 3.
 35. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. М., 1968. С. 91, 92.
 36. *Титаев К., Шклярук М.* Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016. С. 48, 64, 65.
 37. Уголовное право Российской Федерации: в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2002. С. 317.
 38. Уголовный процесс: учеб. для акад. бакалавриата / под ред. А.И. Баstrykina, А.А. Усачева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 252.
 39. Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 28.
 40. *Фоломьев А.Н.* Инновационный тип развития экономики. М., 2008.
 41. *Францифоров Ю.В.* Действие механизма уголовно-процессуального регулирования при разрешении отраслевых противоречий уголовного судопроизводства // Право и безопасность. 2007. № 3–4. С. 24, 25.
 42. Хартия защиты бизнеса, составленная по итогам уголовного форума в г. Ростове-на-Дону 13 февраля 2017 г. URL: https://www.facebook.com/Хартия-Защиты-Бизнеса-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pnref=story

43. Хронюк В.Н. Теория государства и права. М., 2010. С. 341.
44. Шклярук М. Государство как платформа. 2017–2035. Установка на форсайт-сессию. URL: <https://docplay-er.ru/45759263-Gosudarstvo-kak-plataforma.html>
45. Maxwell I. Managing Sustainable Innovation: The Driver for Global Growth. New York, 2009.
46. Moore J.F. The death of competition: leadership and strategy in the age of business ecosystems. New York, 1997.
47. Peltoniemi M., Vuori E. Business ecosystem as the new approach to complex adaptive business environments. URL: <http://www.iwoce.org/definitionsof-ecosystems.pdf>

REFERENCES

1. Alexandrov A.S. Concept and essence of a criminal claim // State and Law. 2006. No. 2. P. 35–47 (in Russ.).
2. Alekseev N.S., Lukashevich V.Z. Lenin's ideas in Soviet criminal proceedings. L., 1970. P. 67 (in Russ.).
3. Alekseev S.S. The mechanism of legal regulation in the socialist state. M., 1966. P. 29 et seq. (in Russ.).
4. Bakhta A.S. Mechanism of criminal procedure regulation: dis. ... Doctor of Law. M., 2011. P. 18, 19, 91 (in Russ.).
5. Blagov E.V. Theory of application of criminal law: abstract. dis. ... Doctor of Law. SPb., 2005. P. 6 (in Russ.).
6. Blagov E.V. The Doctrine of the application of Criminal Law. Yaroslavl, 1993. P. 14 (in Russ.).
7. Vershinina S.I. State coercion in criminal proceedings: regulatory nature and mechanism of functioning: dis. ... Doctor of Law. Togliatti, 2017 (in Russ.).
8. Vershinina S.I. Normative-legal essence of criminal procedural coercion. M., 2017. P. 31–42, 63 (in Russ.).
9. Gavrilov B. Ya. Pre-trial proceedings in criminal procedure: the concept of improvement // Proceedings of Academy of management of MIA of Russia. 2016. No. 1. P. 9 (in Russ.).
10. Gavrilov B. Ya., Bagiev V.P. The Concept of improving pre-trial proceedings in the twenty-first century: the view of science and practice // Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia. 2017. No. 2 (38). P. 74–81 (in Russ.).
11. Golovko L.V. Post-Soviet theory of law: difficulties of positioning in historical and comparative legal context. Problems of post-Soviet theory and Philosophy of Law: collected papers. P. 93–95, 102 (in Russ.).
12. Daymond D.M. Collapse. Why some societies survive and others die. M., 2008 (in Russ.).
13. Doctrinal model of criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and comments to it / team of authors; ed. by A.S. Alexandrov. M., 2015 (in Russ.).
14. Efremova N.P., Kalnitsky V.V. Attraction as the accused: educational and practical guide. Omsk, 2007. P. 54 (in Russ.).
15. Zus' L.B. Legal regulation in the field of criminal proceedings. Vladivostok, 1984. P. 35–38, 68–70, 103, 104 (in Russ.).
16. History of political and legal doctrines: studies. for universities. 2nd ed., stereotype. / under the total ed. M., 1998. P. 653 (in Russ.).
17. Karneeva L.M. Criminal prosecution. Legality and validity. M., 1971. P. 16 (in Russ.).
18. Kozubenko Yu.V. Criminal-procedural aspects of the inter-sectoral mechanism of criminal legal regulation: dis. ... Doctor of Law. Ekaterinburg, 2018 (in Russ.).
19. Kolbeeva M. Yu. The Concept and importance of involvement as a defendant in the structure of crime investigation // Ross. investigator. 2010. No. 16. P. 19–21 (in Russ.).
20. Kropachev N.M. Mechanism of criminal law regulation: dis. ... Doctor of Law in the form of a scientific report. SPb., 2000. P. 6, 7 (in Russ.).
21. Kutyukhin I.V. Legal facts in the mechanism of criminal procedural regulation: monograph. Vladivostok, 2010. P. 7 (in Russ.).
22. Lobanova L., Zavyalova P. Criminal-legal means of counteraction to criminal prosecution of innocent citizens need improvement // Power. 2012. No. 12. P. 151–155 (in Russ.).
23. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of state and law. M., 2004. P. 227, 228 (in Russ.).
24. Mishchenko L.V., Telitsin V.N. To the question about optimizing the organization of activities of divisions of economic security and anti-corruption verification of statements (messages) on crimes of corruption and economic Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia. 2018. No. 4 (44). P. 218–224 (in Russ.).
25. Muravyev K.V. Measures of procedural coercion-special means of criminal legal influence: doctrine, application, optimization. Omsk, 2017. P. 14, 62–66, 224 (in Russ.).
26. Muravyev K.V. Optimization of the criminal process as a form of application of the criminal law: dis. ... Doctor of Law. Omsk, 2018. P. 112 (in Russ.).
27. New technological revolution: challenges and opportunities for Russia. Expert-analytical report / team of authors; under science. hands. V.N. Knyaginin. M., 2017 (in Russ.).
28. Ostroumov S.A. New versions of definitions of concepts and terms “ecosystem” and “biogeocenosis” // Reports of the Academy of Sciences. Vol. 383. 2002. No. 4. P. 571–574 (in Russ.).
29. Pavlov V.I. Problems of the theory of state and law: Textbook. Minsk, 2017. P. 10, 11, 78, 160, 164, 170 (in Russ.).
30. Petrov M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A. The State as a platform. (Cyber) state for the digital economy. M., 2018. P. 8–10, 16, 17 (in Russ.).

31. Polyakov A. V., Timoshina E. V. General theory of law: Textbook. SPb., 2005. P. 107, 108 (in Russ.).
32. Polyansky N.N. Essays on the General theory of criminal procedure. M., 1927. P. 54–58, 120–123 (in Russ.).
33. Reform of criminal economic legislation. February 2017 Appendix To the medium-Term program of social and economic development of Russia up to 2025 “Growth Strategy” (the Program was developed in the framework of the order of the President of the Russian Federation dated July 14, 2016 № PR-1347) / Appendix № 14. URL: <http://институт growth.RF/upload/iblock/a4d/14.-reforma-ugolovnogo-ekonomicheskogo-zakonodatelstva.pdf>; Charter for the protection of the business, made up of the criminal forum in Rostov-on-don on 13 February 2017. URL: https://www.facebook.com/Хартия-Защиты-Бизнеса-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pref=story (in Russ.).
34. Soloviev V.A. Ecology and nature protection. Ecosystem: Textbook. L., 1987. P. 3 (in Russ.).
35. Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal process: in 2 vols. M., 1968. P. 91, 92 (in Russ.).
36. Titaev K., Shklyaruk M. Russian investigator: vocation, profession, everyday life. M., 2016. P. 48, 64, 65 (in Russ.).
37. Criminal Law of the Russian Federation: in 2 vols. General part / under the ed. of L.V. Inogamova-Khegay. M., 2002. P. 317 (in Russ.).
38. Criminal proceedings: Textbook. for acad. undergraduate / ed. A.I. Bastrykin, A.A. Usachev. 2nd ed., rev. M., 2015. P. 252 (in Russ.).
39. Criminal proceedings: Textbook for universities / ed. B. B. Bulatov, A.M. Baranov. 5th ed., rev. M., 2015. P. 28 (in Russ.).
40. Folomeev A.N. Innovative type of economic development. M., 2008 (in Russ.).
41. Frantsiforov Yu.V. The mechanism of criminal procedural regulation when resolving industry controversies in criminal proceedings // Law and security. 2007. No. 3–4. P. 24, 25 (in Russ.).
42. The Charter for the protection of the business, made up of the criminal forum in Rostov-on-don on 13 February 2017 URL: https://www.facebook.com/Хартия-Защиты-Бизнеса-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pref=story (in Russ.).
43. Khropanyuk V.N. Theory of state and law. M., 2010. P. 341 (in Russ.).
44. Shklyaruk M. The state as a platform. 2017–2035. Setting for a foresight session. URL: <https://docplayer.ru/45759263-Gosudarstvo-kak-platforma.html> (in Russ.).
45. Maxwell I. Managing Sustainable Innovation: The Driver for Global Growth. New York, 2009.
46. Moore J.F. The death of competition: leadership and strategy in the age of business ecosystems. New York, 1997.
47. Peltoniemi M., Vuori E. Business ecosystem as the new approach to complex adaptive business environments. URL: <http://www.iwoce.org/definitionsof-ecosystems.pdf>

Сведения об авторах

АЛЕКСАНДРОВ Александр Сергеевич –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии Министерства
внутренних дел РФ; 603950 г. Нижний
Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3,
БОКС–268

АЛЕКСАНДРОВА Ирина Александровна –
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного и уголовно-
исполнительного права Нижегородской
академии Министерства внутренних дел РФ;
603950 г. Нижний Новгород, Анкудиновское
шоссе, д. 3, БОКС–268

ВЛАСОВА Светлана Владимировна –
кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного процесса Нижегородской
академии Министерства внутренних дел РФ;
603950 г. Нижний Новгород, Анкудиновское
шоссе, д. 3, БОКС–268

Authors' information

ALEXANDROV Alexander S. –
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of criminal procedure of the Nizhny
Novgorod Academy of the Ministry of the Interior
of Russia; 3 Ankudinovskoe highway, BOX-268,
603950 Nizhny Novgorod, Russia

ALEXANDROVA Irina A. –
Doctor of Law, associate Professor, Professor of the
Department of Criminal and Executive Law of the
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the
Interior of Russia; 3 Ankudinovskoe highway,
BOX-268, 603950 Nizhny Novgorod, Russia

VLASOVA Svetlana V. –
PhD in Law, associate Professor, Professor of
criminal procedure of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
3 Ankudinovskoe highway, BOX-268, 603950
Nizhny Novgorod, Russia